

Валерий СЕМЁНОВ

Красноярск

Родился в селе Назимово Ярцевского района Красноярского края. Учился в Красноярском механическом техникуме. Работал на заводах «Красмаш», «Бирюса». Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Награждён медалью «За добросовестный труд». Дипломант «Нового Енисейского литератора» за 2014 год в номинации «Проза».

ПЕРВАЯ ОХОТА

В августе мне исполнилось двенадцать лет. Я ещё прошлой зимой просил дядю Федю подарить мне ружьё. У них в семье Володя и Олег уже ходили в ближний лес охотиться на мелкую боровую дичь или весной стреляли уток, хотя были моложе меня. Уже декабрь на носу, и дядя Федя из деревни Сергеево привёз мне одноствольное ружьё — не ружьё, а фактически ружьишко. Тридцать второго калибра, это очень тонкий ствол, внутри ствола даже были каверны от ржавчины, патронташ и штук двадцать латунных гильз. Я купил в магазине порох, дробь, картечь, научился отливать пули из свинца. Дядя Фёдор рассказал, как нужно заряжать гильзы. И я сразу почувствовал себя не только мужчиной, но и охотником. Даже моё поведение изменилось, появилась некоторая степенность. В декабре, январе и феврале обычно не охотились на боровую дичь. Еле-еле дождался марта месяца. Наконец в один из выходных дней решил пойти в лес, попытаться счастья. А накануне (в субботу) стал заряжать латунные патроны.

Дядя Федя как-то приезжал в Назимово и показал мне, как это делать. Заряжаю первый раз в жизни. За стенкой, в соседней комнате, строчит ручная подольская швейная машинка. Это мама шьёт платье для какой-то деревенской модницы. Но стрёкот машинки часто замолкает, и мне кажется, что мама прислушивается, как я заряжаю патроны. Иногда говорит мне: «Валера, смотри аккуратнее работай». Капсюль мне нужно точно поставить в гнездо, тихонько постучать по нему молотком, чтобы просадить на нужную глубину. При этом чтобы он не сработал (не выстрелил), а чётко встал на место. Патрон, конечно, пустой, в нём нет заряда. Вроде у меня нормально получается, и я набил капсюлями двадцать гильз. Наконец насыпаю меру пороха, забиваю бумажный пыж, потом меру мелкой дроби — и снова запрессовываю пыж.

Всё готово, патронташ с жёлтенькими гильзами, торчащими из его кармашков, вешаю на стенку над своей кроватью.

Ружьё приклонил в углу. Выглядит оно каким-то уставшим, довольно жалким со своим потёртым и укороченным прикладом. Но всё равно вызывает у меня гордость и предвкушение завтрашней удачной или неудачной охоты.

Ночью, то и дело просыпаясь, я поглядывал на часы, боясь проспять, потому что хотел встать рано, ещё затемно. Наконец поднялся, ещё не было шести утра. Оделся, перекусил холодной жареной картошкой. Надел патронташ, сверху фуфайку, перевязался поясом, а за пазуху положил кусок хлеба. По дому двигался тихо, чтобы не разбудить маму. Она легла очень поздно, работала до глубокой ночи.

Примерно в шесть утра выхожу из дома. Дверь в избу, обитую старыми фуфайками для тепла, закрываю тихо, осторожно. Лицо обдало лёгким морозом, взбудрило меня, и уже без сомнения я направился на свою первую охоту. Так же тихо закрываю калитку. В верхний конец улицы топаю ещё два километра. Стоит над селом предутренняя тишина. Вздохнёт у кого-нибудь в хлеву корова, завизжит поросёнок, твякнет собачонка нехотя и лениво, как будто хочет показать хозяину: «Я здесь, не сплю, охраняю хозяйское добро». Редко в каком окошке еле теплится жёлтый свет от керосиновой лампы. Лыжи на левом плече, ружьё на правом, стволом вниз, так его меньше заметно. Вдруг какой-нибудь ранний хозяин увидит меня через низкий забор, опросит: дескать, на охоту, что ли, собрался, — да и взглянет мою первую охоту? Выйдя за посёлок, иду мимо ветряной мельницы. Ею давно не пользуются, и стоит она, согнувшись, слегка наклонившись в сторону Енисея, как мокрая курица, растопорчилась. Крылья обвисли, многих поперечных дощечек в лопастях не хватает. Представляет собой довольно жалкое зрелище. Продолжаю путь вдоль берега Енисея на самодельных лыжах. Это пятьдесят восьмой год, тогда мы ещё не видели лыж промышленного изготовления. Километра через полтора приближаюсь к лесу. Патронташ надеваю поверх фуфайки. Вставляю патрон с дробью, так как надеюсь подстрелить рябчика или даже парутройку. Лыжня натоптана связистом. В то время вся связь осуществлялась по проводам, и в каждом посёлке была должность связиста. Как только начальник почты не может связаться с Енисейском или с посёлком Ярцево, он отправляет связиста проверить, не оборвало ли провод упавшим сухостоем или налипшим снегом. И связисту нужно идти зимой на лыжах вдоль линии до половины пути к следующему посёлку в ту или иную сторону.

Вот по этой тропе довольно легко было торопиться на свою первую охоту. В лесу тишина. Лишь изредка ветерок зашуршит сухой, не опавшей, присохшей осенью листвой да заскрипит высухшее дерево. Но когда рассветёт, слышно теньканье синиц, где-то в глубине леса закричит вездесущая сорока — и опять тишина. Уже пахнет весной. Ещё неявно, природа как бы пробует свои силы. Решает, пробуждаться ей или ещё подождать. Нежданно-негаданно налетит ледяной ветер, принесёт на своих крыльях чёрные снежные тучи, закружит февральской пургой. Всё вокруг побелеет от свежего снега. Снова ударят морозы — конечно, не декабрьские или январские, но всё равно нешуточные. И притихнет лесной народ, будет терпеливо ждать прихода весны. А сейчас только слышны шуршание моих лыж о снег да стук своего сердца, когда остановишься передохнуть и послушать лесную полудрёмную тишину. Тропа постепенно уводит в глубь леса. Уже солнце начинает подниматься. От его лучей снег искрится миллиардами звёздочек, ослепляет глаза. Слышны новые лесные звуки, и ты начинаешь чувствовать в этом спокойном, ничего не подозревающем мире себя чужим, совершенно здесь не нужным. Ты нарушитель тишины и завораживающего тебя леса. Ты идёшь убивать. Но так устроен мир. Неправильно, конечно. Человек в угоду своим желаниям придумал оправдание своему варварству. Он якобы покоритель природы. На самом деле — разрушитель не только живого, но и самой природы. Такова жизнь человека...

Идёшь, посвистываешь в манок, как будто самец подзывает самку. И когда слышишь, что тоже свистом откликаются тебе рябчики, начинаешь тихо подкрадываться. Наконец видишь: сидят на берёзе пять-шесть рябчиков, объедают берёзовые почки. Прицеливаюсь, и — о удача! — один падает в снег, другие улетают. Снова выхожу на натоптанную тропу, иду дальше. Удача ещё два раза улыбается мне. Я не заметил, как прошёл километров пятнадцать до острова Колина. Солнце уже поднялось высоко, было часов одиннадцать утра! Поворачиваю и тороплюсь домой, скорее порадовать маму удачной охотой. А суп, приготовленный в русской печи, такой вкусный, что, кажется, вкуснее я больше не ел ничего.

Всё, что было в детстве, было самое вкусное и самое лучшее!

7 января 2014